

В банкетном зале всюду звенели бокалы, царила атмосфера утонченного изящества и радушного согласия. Ради юбилея дедушки Линь Суе поначалу не хотел устраивать безобразных сцен, но теперь он передумал.

— Неустойку и расходы на лечение твоей матери выплатишь в полном объеме при расторжении контракта, — ледяным тоном отрезал он.

Ноги Ань Ци мгновенно подогнулись. Сумма, о которой шла речь, была для него чем-то запредельным, астрономической цифрой, которую он не мог даже вообразить.

Шэнь Хуэйцы, заметив это, без малейших колебаний разжал пальцы. Лишившись поддержки, Ань Ци, словно лишенная костей креветка, рухнул на колени.

— И еще, — Линь Суе на мгновение запнулся, до боли прикусив кончик языка, чтобы заставить себя договорить, — я больше не стану вмешиваться в дальнейшее лечение твоей матери. Теперь ты сам по себе.

Ань Ци резко вскинул голову. Его голос, искаженный отчаянием, сорвался на хрип:

— Нет... нет, нельзя! Без вашей помощи мама... она умрет!

— Значит, ты всё-таки осознаешь, что это именно я помогал тебе?

— Я... — Ань Ци с трудом поднялся на ноги, его горло пересохло. — Мне просто обидно. Горько сознавать, что я лишь чья-то замена. Я не какая-то вещь, от которой можно отмахнуться, я не хочу жить в чужой тени! Вы не можете сначала окружить меня особой заботой, а потом заявить, что я — лишь жалкий червяк, удостоившийся милосердия только потому, что на меня пал отблеск чьей-то чужой славы!

Сяо Цзю в голове Линь Суе прямо-таки закипела от негодования; она едва удерживалась от того, чтобы не превратиться в многорукого осьминога и не отвесить Ань Ци серию хлестких пощечин. «Что этот тип несет? Кто вообще считал его игрушкой? Носитель к нему даже пальцем не прикоснулся!»

Линь Суе погрузился в странное, тяжелое молчание. Окажись на месте Ань Ци кто-то другой, он, возможно, нашел бы в себе терпение для пары наставлений: о чувстве собственного достоинства, о том, что нельзя обесценивать себя и добровольно примерять роль «живой игрушки».

Но говорить это Ань Ци не хотелось.

В памяти Линь Суе внезапно вспыхнули фрагменты оригинального сюжета, которые когда-то показывала ему система. Кадры сопровождались бегущими строками комментариев, прокручиваясь перед глазами, словно бесконечная кинолента.

Он вспомнил, как во время каждой «сцены ревности» Ань Ци лишь безучастно наблюдал со стороны. Вспомнил, как тот вел двусмысленные игры со множеством обожателей, лишь бы лишний раз потешить самолюбие. Вспомнил, как даже после счастливого финала Ань Ци умудрялся забывать о дне рождения своего «любимого» из-за какой-то чепухи.

Линь Суе прикрыл глаза, отчетливо осознавая: этот человек просто упивается ощущением чужой любви. Он принимает любые благодеяния как нечто само собой разумеющееся, даже не помышляя о взаимности. И что самое нелепое — в оригинальном романе все достижения Линь Суе были лишь разменной монетой в борьбе за благосклонность такого ничтожества.

Прежний Линь Суе стал заложником ампула «идеального гуна», но нынешний, вырвавшийся из оков сценария, всё еще вынужден был отбиваться от этого человека, вцепившегося в него мертвой хваткой, словно кровожадный клещ. Клещ, который смел требовать «особой любви».

Гнев и бессилие перед предначертанным сюжетом захлестнули его. Казалось, из этого порочного круга нет выхода. Линь Суе стиснул челюсти так, что зубы заскрипели, а во рту разлился металлический привкус крови.

В груди бушевало пламя, но губы вопреки всему изогнулись в холодной, пугающей усмешке.

— Игрушка? — едва слышно переспросил он. — А у тебя вообще есть право быть моей игрушкой?

Эти слова словно железной хваткой сдавили горло Ань Ци, обрушившись на него тяжелым камнем и заставив окончательно протрезветь.

— У тебя тридцать секунд, чтобы исчезнуть из моей усадьбы.

***

Линь Суе стремительно шел по саду. Ворот его рубашки был расстегнут, открывая полосу светлой кожи. Пытаясь вернуть себе хоть каплю самообладания, он лихорадочно соображал: сейчас нельзя показываться гостям, нужно пробраться в дом через черный ход и привести себя в порядок. Он ускорял шаг, пока чья-то рука крепко не перехватила его предплечье.

Когда Линь Суе обернулся, Шэнь Хуэйцы тут же ослабил хватку. Словно боясь причинить боль, он осторожно погладил большим пальцем внутреннюю сторону его запястья.

Линь Суе нахмурился, в его голосе сквозила колючая злость:

— Зачем ты идешь за мной? Как видишь, я именно такой человек — бессердечный и беспощадный. Могу одним словом обречь кого-то на гибель, просто отказав в помощи. Я высокомерен, я презираю людей, я...

Он не успел договорить. Его тело окутало чужое, согревающее тепло.

Шэнь Хуэйцы нежно, почти невесомо обнял его. Сухая, горячая ладонь ласково, как ребенка, погладила по спине. Его кадык дернулся, и он негромко спросил:

— Что мне сделать сейчас, чтобы тебе стало хоть немного легче? Хочешь, я пойду и прочту его, а?

— Что бы еще придумать... — голос Шэнь Хуэйцы звучал мягко и неспешно. — Или, может, начать вставлять ему палки в колеса на съемках? Всё равно «Идущий по снегу» еще не доснят, времени у меня предостаточно.

Линь Суе затих. Его пушистые ресницы дрогнули, и лишь спустя долгое время он спросил:

— Почему?

— Что именно — почему?

— Почему ты мне помогаешь?

Шэнь Хуэйцы усмехнулся и ответил вопросом на вопрос:

— В кого я влюблен?

Линь Суе едва слышно пробормотал:

— ...в Линь Суе.

От этого тихого признания сердце киноимператора Шэня пропустило удар. Он прищурился от удовольствия:

— Вот именно. Я люблю тебя, и, к слову, считаю, что молодой директор Линь во всем прав. Чтобы быть чьей-то игрушкой, тоже нужны определенные достоинства.

— Я, между прочим, всё еще стою в очереди, — продолжал он. — Если судить по внешности, я определенно его превосхожу. Если по происхождению — я из семьи Шэнь и владею двадцатью процентами акций «Цинъюань Текнолоджи». О карьере и говорить нечего, звание

киноимператора у меня уже много лет.

В голосе Шэнь Хуэйцы послышался смех:

— Я тут, понимаешь ли, в списке ожидания, так с какой стати этот выскочка лезет вперед?

— Ты что, зачитываешь мне анкету для сайта знакомств? — глухо отозвался Линь Суе, высвобождаясь из его объятий. — И кто разрешил тебе меня обнимать? Это невоспитанно.

— Прошу прощения.

Шэнь Хуэйцы покорно извинился. Видя, что Линь Суе немного оттаял, он наконец почувствовал облегчение.

— Мне нужно идти, — бросил тот напоследок.

Линь Суе развернулся, чтобы скрыться за дверью черного хода, но, сделав пару шагов, остановился.

— Кстати.

— Добрый вечер.

Шэнь Хуэйцы замер. До него не сразу дошло, что это был ответ на его самое первое приветствие. Ошеломленный этой внезапной волной очарования, он еще долго стоял на месте, прежде чем, сбиваясь с шага, вернуться в банкетный зал.

***

Бело-золотая рубашка безнадежно помялась, потеряв всякий вид. Линь Суе решительно переоделся в темно-синий фрачный костюм. Поправив перед зеркалом прическу и слегка похлопав себя по щекам, чтобы скрыть следы недавнего волнения, он вышел из комнаты.

У дверей он нос к носу столкнулся с Линь Суцзюнем, который как раз собирался постучать.

— Брат?

Линь Суцзюнь опустил руку и привычным жестом взъерошил волосы младшего:

— Куда ты пропал? Мо Гуаньци и Малыш Вэйчжи обыскались тебя.

Линь Суе выдавил улыбку:

— Где они? Я сейчас приду.

— Ждут тебя в гостиной на третьем этаже.

Линь Суе кивнул и уже хотел было уйти, но брат его окликнул:

— А-Е.

— Тебя кто-то обидел?

Линь Суе замер, уголки его губ невольно поползли вниз.

— Мы же дома, — пробормотал он, не оборачиваясь. — Кто здесь посмеет меня обидеть?

Взгляд Линь Суцзюня оставался безмятежным и теплым:

— Если тебе станет грустно, просто расскажи мне, хорошо?

— Угу, — Линь Суе поспешно кивнул, не решаясь поднять глаза. — Я пойду к Гуаньци и Вэйчжи.

Сказав это, он пулей помчался к гостиной. На повороте четвертого этажа он едва не сбил Мо Гуаньци, который, высоко подняв поднос обеими руками, перепрыгивал через две ступеньки.

Знаменитый актер умудрялся удерживать гору пирожных, при этом его нелепая походка напоминала бег краба, вызывая невольную улыбку.

Линь Суе оторопел:

— Гуаньци? Ты что творишь?

Тот поднял голову и просиял:

— Наконец-то я тебя нашел! — Мо Гуаньци бедром толкнул дверь. — Мы тебя полчаса ждали.

Линь Суе зашел следом за ним:

— Зачем вы меня искали?

— Мы с Вэйчжи внизу наткнулись на потрясающий ромовый торт. Хотели позвать тебя, но ты как сквозь землю провалился. Когда мы вернулись за добавкой, там почти ничего не осталось. Я испугался, что тебе не достанется, и прихватил пару кусков заранее. Попробуй.

Линь Суе посмотрел на позолоченную фарфоровую тарелку, и у него внезапно защемило в носу. Глядя на изящные завитки белого крема, он вновь перенесся в ту снежную ночь.

Линь Суцзюнь, едва оправившийся после операции, тогда нашел их из последних сил, но не мог забрать домой. Ледяной ветер завывал, снег валил сплошной стеной, и сугробы уже доходили до колен. В такую погоду машины не ходили, а мобильная связь пропала. Прижимая к себе потерявшего сознание брата, Линь Суе впервые в жизни не знал, что делать. Он боялся плакать — слезы мгновенно застывали на лице, причиняя невыносимую боль, а каждый вдох обжигал легкие.

Мо Гуаньци и Цзян Вэйчжи появились именно тогда. Освещая путь фонариками, они с трудом пробивались сквозь заносы.

— А-Е! — Мо Гуаньци, увидев их, радостно замахал рукой.

Они не стали читать нотации о том, что глупо убегать из дома в такую метель. Не было ни упреков, ни вопросов. Они просто подошли, присели и, взвалив Линь Суе и его брата на спины, двинулись к дому.

Когда силы кончались — они отдыхали. Шаг за шагом, с остановками, они добрались до главной дороги, где их уже ждала помощь семьи Линь.

Линь Суе помнил, что на протяжении того бесконечного пути домой единственное, о чем они спорили, было:

— Куда пойдем обедать в понедельник после школы?

Словно это был самый обычный выходной.

Линь Суе очнулся от воспоминаний, сел и зачерпнул ложкой кусочек торта. Аромат рома, смешанный с карамельной сладостью, разлился на языке. Он шмыгнул носом:

— Вкусно.

— Я же говорил, — довольно отозвался Мо Гуаньци.

Уйдя из банкетного зала, Цзян Вэйчжи собрал волосы в хвост, заколов пряди у лица парой зажимов. Это придавало его облику еще больше холодности — если бы только эти заколки не были мультяшными аксессуарами, которые Линь Суе всегда держал для него дома.

Вэйчжи выкатил из-под стола чемодан:

— А-Е. Это тебе.

Линь Суе оторвался от торта:

— Что это?

— Ты как-то жаловался, что тот новый костюм, который я для тебя сшил, весь помяли. Я сделал еще один.

В прошлый раз, когда Ань Ци измял его вишневый пиджак, Линь Суе вскользь пожаловался Вэйчжи. Он просто хотел выговориться, к тому же вещь после утюжки стала бы как новая. Но Цзян Вэйчжи, не раздумывая, сшил ему замену.

— Примерь потом, надеюсь, тебе понравится.

Мо Гуаньци тут же встрял с напускной обидой:

— Вот видишь, какой он предвзятый! Обновки только для тебя.

В ответ великий актер получил привычный тычок локтем от великого дизайнера:

— Опять за свое? Когда это ты выходил на красную дорожку не в моих костюмах?

Слушая их привычную перепалку, Линь Суе незаметно смахнул слезу. Чувство бессилия перед ковами сюжета мгновенно рассыпалось в прах.

<http://bllate.org/book/16112/1583347>